

А.А. Бессонов

**О говорах казанского
татарского наречия и об
отношении его к ближайшим
к нему наречиям и языкам**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
А11

- A11 **А.А. Бессонов**
О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам / А.А. Бессонов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-518-05915-3

Журнал министерства народного просвещения. Август. 1881. Пятое десятилетие. Часть ССХVI.

ISBN 978-5-518-05915-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Для ясности дѣла, указанное сейчасъ распредѣленіе инородцевъ, по отношенію къ грамотности на двѣ категоріи слѣдуетъ постоянно, по нашему мнѣнію, имѣть въ виду, когда поднимается вопросъ не только о примѣненіи русскаго алфавита къ языкамъ инородцевъ восточной Россіи, но и вообще объ образованіи этихъ инородцевъ.

Касательно инородцевъ перваго разряда вопросъ рѣшается несравненно проще, чѣмъ по отношенію къ другимъ. Попытка выдумать алфавитъ для племенъ, поровни не имѣющихъ большой численности, стоящихъ на очень низкой ступени умственнаго развитія, обреченныхъ по всѣмъ условіямъ своего существованія на естественное слитіе съ народомъ многочисленнымъ и цивилизованнымъ, должна окончиться неудачей, какъ это хорошо доказываетъ судьба зырянскаго алфавита, изобрѣтеннаго св. Стефаномъ Пермскимъ. Здѣсь можетъ имѣть мѣсто только вопросъ о большей или меньшей степени пригодности русскаго алфавита для извѣстнаго языка. Но и въ этомъ отношеніи дѣло проще: къ этой первой категоріи инородцевъ относятся, главнымъ образомъ, Финскіе народы, а для финскихъ языковъ русскій алфавитъ пригоднѣе, чѣмъ для тюркскихъ, потому что они ближе въ фонетическомъ отношеніи къ русскому языку, чѣмъ послѣдніе ¹⁾).

позволялъ славянскій алфавитъ, буквенная, а не фонетическая: отступленія выговора многихъ татарскихъ словъ отъ обычнаго начертанія ихъ арабскимъ алфавитомъ нисколько не приняты въ соображеніе; замѣчательно, что сохранено даже обычное направленіе арабскаго письма и печати — отъ правой руки къ лѣвой. Изданія на вотяцкомъ языкѣ (какъ по глагольному, такъ и по сарапульскому нарѣчіямъ), на языкахъ черемисскомъ и чувашскомъ, относящіеся ко второй четверти текущаго столѣтія, сдѣланы были, кажется, въ очень большомъ количествѣ экземпляровъ, потому что, напримѣръ, изданіе Краткой Священной Исторіи митрополита Филарета на вотяцкомъ языкѣ (два столбца — русскій текстъ и вотяцскій переводъ) употреблялось въ 50-хъ годахъ даже въ тѣхъ школахъ Глазовскаго уѣзда, которыя находились въ приходахъ, не имѣвшихъ въ себѣ ни одного Вотака. Многие изъ насъ, учениковъ одной изъ такихъ школъ, находившейся въ то время въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, для курьеза заучивали, на ряду съ русскими текстомъ, дѣйные параграфы и вотяцкаго перевода. Не говоримъ уже о многочисленныхъ изданіяхъ азбукъ, книгъ Священнаго Писанія, богослужебныхъ и нравоучительныхъ книгъ на татарскомъ, черемисскомъ, вотяцкомъ, остяцкомъ и монголо-бурятскомъ языкахъ русскими шрифтомъ, — изданіяхъ, исполняемыхъ въ послѣднее время при посредствѣ переводческой коммиссіи, состоящей при братствѣ св. Гурія въ Казани.

¹⁾ По нашему мнѣнію, между прочимъ, это обстоятельство служило причиною болѣе быстраго обрусѣнія Финновъ, чѣмъ Тюрковъ. Достаточно взглянуть, напри-

По отношенію къ инородцамъ, обладающимъ уже своимъ, отличнымъ отъ русскаго, алфавитомъ — заимствованъ ли онъ отъ чужаго языка, или же изобрѣтенъ для нихъ специально, — дѣло находится въ болѣе сложномъ положеніи.

Прежде всего здѣсь имѣетъ громадное значеніе сила привычки. Малоразвитый человѣкъ такъ тѣсно связываетъ въ своемъ представленіи произносимое слово съ его начертаніемъ, что ему кажется невозможнымъ какое-либо другое изображеніе того же слова. Не мало значитъ здѣсь также и буквოსлагательный способъ обученія грамотѣ, почти исключительно употребляемый въ настоящее время у тѣхъ инородцевъ, которые имѣютъ свою, отличную отъ русской, грамоту ¹⁾: этотъ способъ, не указывая ясно истиннаго значенія каждой буквы въ отдѣльности, заставляетъ обращать вниманіе болѣе на слогъ и на цѣлое, чѣмъ на отдѣльные звуки и буквы. Потому, въ грамотѣ Татаръ-мухаммеданъ не мало особенностей, препятствующихъ возникновенію у нихъ грамотѣевъ взгляда на грамоту какъ на условное изображеніе звуковъ, какъ на такое изображеніе, которое можетъ быть замѣнено другимъ, и поддерживающихъ взглядъ на грамоту какъ на нѣчто необычайно таинственнаго, а именно: непримѣнимость арабскаго алфавита къ фонетикѣ татарскаго языка (вотъ, думаетъ Татаринъ-грамотѣй, — слово нужно написать такъ, а произнести совсѣмъ иначе: вѣрно ужъ такъ Богъ опредѣлитъ); манера изображенія гласныхъ звуковъ въ арабскомъ языкѣ посредствомъ надстрочныхъ и подстрочныхъ знаковъ, а въ татарскомъ языкѣ посредствомъ буквъ, имѣющихъ въ арабской письменности значеніе согласныхъ ²⁾;

мартъ, на упомянутые уже старыя переводы съ русскаго на черемисскій и вотяцкій языки, и на новѣйшіе переводы, болѣе точно передающіе русскимъ алфавитомъ, звуки этихъ языковъ, и сравнить ихъ съ новѣйшими изданіями на татарскомъ, алтайскомъ и чувашскомъ языкахъ, чтобы почувствовать это.

¹⁾ Буквослагательный способъ, употребляемый въ настоящее время у Татаръ, какъ и у другихъ мухаммеданскихъ народовъ, имѣетъ свои особенности, утравляющія тѣ трудности, которыя существуютъ въ способѣ обученія грамотѣ у европейскихъ народовъ. Въ последнее время у Татаръ-мухаммеданъ являются попытки примѣнить звуковой способъ и при обученіи арабско-татарской грамотѣ.

²⁾ Этотъ фактъ, не понимаемый почти никѣмъ изъ теперешнихъ Татаръ-грамотѣевъ, внушаетъ имъ самыя странныя понятія о томъ, что такое звукъ и что такое буква, и о взаимномъ отношеніи звуковъ и буквъ. Мы удалось только послѣ продолжительной бесѣды убѣдить одного прежняго шакирда, учившагося впоследствии въ русской школѣ русской грамотѣ по звуковому способу, указа-

болѣе частые, чѣмъ въ европейской письменности, случаи изображенія одного звука посредствомъ многихъ знаковъ, и наоборотъ, нѣсколькихъ звуковъ посредствомъ одного знака; опущеніе краткихъ гласныхъ безъ всякаго изображенія; долговременное изученіе однообразной литературы и проч. Какъ сильно дѣйствуетъ совокупность этихъ условій на разсудокъ татарскаго грамотѣя, можно видѣть изъ того, что нѣкоторые, даже довольно образованные Татары, послѣ изученія татарской грамоты по употребительному въ настоящее время у Татаръ способу научившіеся русской грамотѣ по способу звуковому, высказываютъ мнѣніе о большей примѣнимости арабскаго алфавита, въ сравненіи съ русскимъ, къ фонетикѣ татарскаго языка.

У буддистовъ и мухаммеданъ не проявляется особенно сильной сноты къ культурному сближенію съ Русскими; они не сознаютъ еще, что принятіе ими русскаго алфавита для письма и печати на ихъ языкахъ можетъ быть однимъ изъ средствъ болѣе быстрого ознакомленія съ новымъ кругомъ идей, несравненно болѣе содержательнымъ и обширнымъ, чѣмъ тотъ, въ какомъ они теперь вращаются; не сознаютъ, что часть того продолжительнаго времени, которое тратится теперь на чисто механическую работу изученія грамоты, очень мало удобной для болѣе высокой степени культуры, могло бы быть, безъ ущерба религіозному образованію, употреблена на болѣе производительную работу.

Помимо ближайшей цѣли — сообщить матеріалъ для изученія извѣстной группы тюркскихъ нарѣчій — наша статья имѣетъ цѣлью показать, что введеніе русскаго алфавита въ грамоту Татаръ-мусульманъ имѣетъ и неудобство теоретическое, состоящее въ недостаточности нашихъ свѣдѣній по вопросу о фонетикѣ тѣхъ нарѣчій, къ которымъ хотятъ примѣнить русскую азбуку. Причина, по которой мы говоримъ преимущественно о казанскомъ нарѣчій татарскаго языка, заключается въ томъ, что это нарѣчіе въ настоящее время самое распространенное въ восточной полосѣ Европейской Россіи, и что съ

нѣмъ на замѣну въ арабскомъ языкѣ, при грамматическихъ измѣненіяхъ словъ, буквъ *алифъ, аинъ* и имъ одной посредствомъ другой, въ связи съ измѣненіемъ надстрочныхъ и подстрочныхъ знаковъ, и на несоотвѣстствіе, въ другихъ случаяхъ, этихъ буквъ со знаками надстрочными и подстрочными, стоящими надъ и подъ этими буквами, — въ томъ, что въ арабскомъ языкѣ это согласныя, а не гласныя буквы; но не удалось убѣдить въ томъ, что въ арабскомъ словѣ *ава*, перешедшемъ и въ татарскій языкъ, находится не три, а четыре звука.

каждымъ годомъ оно все болѣе и болѣе поглощаетъ въ себя другія нарѣчія, преимущественно башкирское, мецерацкое и киргизское, стирая ихъ особенности. Независимо отъ этого, можно считать его болѣе близкимъ въ фонетическомъ отношеніи къ древне-тюркскому языку чѣмъ другія тюркскія нарѣчія, существующія въ Европейской Россіи. Всякій, кто хорошо знакомъ съ литературой, имѣющею предметомъ своимъ изслѣдованіе тюркскихъ нарѣчій, знаетъ, какія бѣдныя свѣдѣнія имѣются въ настоящее время по занимающему насъ вопросу ¹⁾. Въ виду недостаточности нашего матеріала, мы по возможности воздерживались отъ теоретическихъ выводовъ и обобщеній.

Прежде всего позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о приемахъ изученія тюркскихъ языковъ. Несомнѣнно, что наиболѣе богатый матеріалъ для этого могло бы дать сравненіе извѣстнаго нарѣчія со всею группою тюркскихъ языковъ, напримѣръ, при изученіи казанскаго татарскаго нарѣчія сравненіе его со всѣми тюркскими, даже съ монгольскими и финскими языками; но такому сравнительному изученію должно предшествовать подробное и точное изученіе извѣстнаго нарѣчія въ его говорахъ. Говоры представляютъ самую твердую, реальную почву для изученія языка. Произволъ, допускаемый въ настоящее время при опредѣленіи фонетическихъ законовъ, значенія корней, происхожденія и первоначальнаго значенія окончаній, суффиксовъ и префиксовъ извѣстнаго нарѣчія, станутъ менѣе возможнымъ, когда всѣ такого рода данныя получатся посредствомъ подробнаго изученія нарѣчія въ его говорахъ.

Равнымъ образомъ, слова и выраженія архаическія, а также слова и выраженія, употребляющіяся только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ шутиломъ разговорѣ, при играхъ, и обыкновенно не попадающія въ изслѣдованія ученыхъ, даютъ иногда прекрасный матеріалъ для соображеній. Представимъ нѣсколько примѣровъ. Въ тюркскихъ языкахъ замѣчается поразительное явленіе — сходство глагольных образовательныхъ суффиксовъ и флексій съ образовательными суффиксами и флексіями именными; но это сходство еще не даетъ права

¹⁾ Ср. для примѣра лучшее въ этомъ родѣ сочиненіе *Березина: Recherches sur les dialectes musulmans* (Ученныя записки Имп. Казанск. Университета, Казань, 1848 г.). Какіе слабые результаты достигаются отъ изслѣдованія говоровъ, производимаго даже при очень благопріятныхъ обстоятельствахъ, это можно видѣть, напримѣръ, изъ почтенной книги *Максимова: Опытъ изслѣдованія тюркскихъ диалектовъ въ Худавендгарѣ и Караманѣ*. С.-Пб. 1867.

заключатъ даже къ внѣшнему, независимо отъ смысла, первоначальному тождеству, потому что нѣтъ ни одного какъ изъ древнихъ, такъ и теперешнихъ тюркскихъ языковъ, въ которомъ сходство между именами и глаголами въ этомъ отношеніи было бы полное; потомъ, всѣ эти сходства, напримѣръ, сходство окончаній дат. п. гар (гәр) (яңаръ=ангаръ, съ причастіемъ на ар (әр), съ глагольнымъ приставкой заставляющихъ глаголовъ—гар (гәр)=кар, кәр, каз, кәз, и съ притяж. суффиксомъ 2-го л. мн. ч. ыңгар (енгеръ), ыңгыз (енгеэ) (алт.), ыгыз (егезъ) (каз.); сходство другого окончанія дат. пад. ган (кирг. маган, миѣ, саган, тебѣ) съ прич. прош. на ган (гән); сходство именного суффикса, означающаго обладаніе: лык (кирг.), лы (тат.), (лек, ле) съ 1-мъ лиц. мн. ч. пов. накл. (въ кирг. языкѣ); сходство именного суффикса, выражающаго уменьшительность: чак, чыкъ (чек), съ приставкой ча, чы (че), прибавляемою какъ къ корню глагола, такъ и къ нѣкоторымъ изъ причастій и къ отглагольному имени дѣйствія, — могли образоваться уже впоследствии, въ историческомъ развитіи языка, путемъ ассимиляціи, выбрасыванія, перестановки и проч. Только тогда, когда можно доказать равносильность извѣстнаго именного суффикса съ глагольнымъ по смыслу, при употребленіи въ живой рѣчи, можно гадать и о полномъ тождествѣ этихъ приставокъ по ихъ первоначальному происхожденію. Напримѣръ, въ тат. языкѣ для образованія отыменныхъ глаголовъ существуетъ частица ла (лә); но точное значеніе ея, по обыкновенному употребленію, не совсѣмъ ясно. Когда эта частица одна прибавляется къ именамъ, означающимъ качество, то ея значеніе какъ будто ясно: именно, глаголы, образованные изъ именъ качественныхъ посредствомъ прибавленія къ этимъ именамъ частицы ла (лә), означаютъ снабжать (какой-нибудь предметъ) извѣстнымъ качествомъ, напримѣръ, жакшила „охорашивать“, иллә „улаживать“; но когда эта частица прибавляется къ именамъ существит. веществ., то придаетъ имъ значеніе какъ-будто отличное отъ предыдущаго: напримѣръ, означаетъ подвергать (извѣстный предметъ) дѣйствію другого предмета (какъ орудія), напримѣръ, сыйлә (вм. сәлә) „подвергать кого-нибудь дѣйствію слова“, то-есть, „говорить о комъ-нибудь“, кузлә=„подвергать дѣвицу (кызы) дѣйствію глазъ“, то-есть, „смотреть“ (говорится о смотринахъ передъ сватовствомъ); куллабъ ал=„брать руками“: подобные глаголы, поставленные по тат. въ дѣепричастіе, означаютъ обстоятельство образа дѣйствія; иногда частица эта значитъ производить что-нибудь, рождать: бызаула=„оте-

литься", колонна=„ожеребиться", бѣрѣнна=„объагниться", кортла=„сдѣлаться червивымъ, производить изъ себя червей", тирла=„производить изъ себя потъ". Когда къ глаголу, образованному посредствомъ прибавленія этой частицы къ существительному, означающему какую-нибудь мѣру, прибавляется еще имя числит. колич., то это числительное, стоящее при глаголѣ, поставленномъ въ дѣпр. на аб (аб, ыб, еб), означаетъ только приближительность мѣры: ике сумнабъ=„около двухъ рублей", бч аршиннабъ=„около трехъ аршинъ" ¹⁾. Прибавимъ сюда еще глаголы, употребительные въ алт. яз.: палыкта=„доставать, приобретать рыбу (рыбачить)", одунда=„приобрѣтать дрова (рубить дрова)" и проч. Нужно замѣтить еще, что въ тат. языкѣ въ глаголахъ, составленныхъ прибавленіемъ ла къ именамъ качественнымъ, дѣйствит. залогъ съ однимъ только ла употребляется рѣдко; чаще употребляется дѣйствительный залогъ, составленный чрезъ прибавленіе къ имени трехъ частицъ: ла, возвр. н и причинит. дыр=лаудыр, а здѣсь значеніе ла (лѣ) становится уже мѣтѣ яснимъ. Уловить основное значеніе суффикса ла (лѣ) во всѣхъ этихъ случаяхъ употребленія его довольно трудно. Но вотъ, сопоставляя прилагательныя, произведенныя отъ существительныхъ прибавленіемъ суффикса лы, ле (тат.=кирг., алт. лык, лек), несомнѣнно означающаго обладающій (предметомъ, обозначаемымъ тѣмъ именемъ существительнымъ, къ которому суффиксъ лы прибавляется): кеймне кеше=„человѣкъ, имѣющій одежду", бйлѣ кеше=„человѣкъ имѣющій домъ" ²⁾, въ выраженіяхъ: синь мине кеймне иттеѣ; синь мине бйлѣ иттеѣ=„ты сдѣлалъ меня имѣющимъ (доставилъ мнѣ) одежду, домъ", съ рѣдко употребляющимися выраженіями: синь мине кеймнѣден; синь мине бйлѣден, равносильными по смыслу первымъ выраженіямъ, мы видимъ, что глагольный суффиксъ ла (лѣ) тождественъ по смыслу и по происхожденію съ именнымъ суффиксомъ лы (ле), лык (лек), произносившимся въ древне-тюркскомъ языкѣ, по всей вѣроятности, какъ лак (лѣк). Еще ближе, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, напоминаетъ глагольный суффиксъ ла (лѣ) точно также рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ, употребляющаяся въ казанскомъ на-

¹⁾ Это дѣепричастіе можетъ склоняться какъ имя: бч аршиннабы сатыбъ алдымъ=„я купилъ (количество) около двухъ аршинъ".

²⁾ Для большей ясности значенія суф. лы ср. кортла съ кортчо: кортчо кеше=„человѣкъ, занимающійся пчелами (пчеловодствомъ)", кортчо кеме, вообще человѣкъ, имѣющій пчелъ", или то-есть, какъ' і(сoх'и, богатый пчелами.

рѣчиі частичка *ла* (по ассимиляціи являющаяся часто въ видѣ *ла* и *мѣ*). Значеніе этой частички близко подходит къ значенію другой частички *ич*, употребляемой точно также, какъ и *ла*, послѣ другихъ словъ, въ дѣ же: *алдын-ич*—„да вѣдь взалъ же ты?“ (то-есть, чего тебѣ еще надо?). Точно также и частичка *ла* сообщаетъ отвѣту отбѣнокъ неудовольствія на недогадливость спрашивающаго и какъ бы подтверждаетъ отвѣтъ. *Кемъ улъ?*—„Кто это (тутъ)?“ вопросъ, обращенный, напримѣръ, изнутри двора къ стоящему за запертыми воротами).—*Мин-нѣ*—„Да я!“ (развѣ ты не узналъ? зачѣмъ ты призываешься ко мнѣ?). Можно, пожалуй, и отъ смысла этой частички вывести предположеніе къ первоначальному значенію глагольнаго суффикса *ла*, точно также, какъ отъ значенія междометія *мѣ! мѣгезь!*—„возьми! возмите! на! на-те!“¹⁾ можно сдѣлать предположеніе къ первоначальному значенію отрицат. глагольнаго суффикса *ма* (*мѣ*), или можно искать связи по значенію, съ одной стороны, между междометіемъ *чу! чугезь!*—„остановись остановитесь! перестань! перестаньте!“, существительнымъ *чор*—„предѣлъ времени, время окончанія какого-нибудь событія и время начала другаго“²⁾, словомъ *чак*, означающимъ: 1) крайній предѣлъ, границу между двумя количествами, напримѣръ, во времени, границу между рано и поздно, то-есть, во-время: *чак-кына* (или *чак-чак кына*) килебъ житемъ—„поспѣлъ какъ разъ во-время, чуть-чуть не опоздалъ“; шул чакта, шул чактукъ (шул чагында, шул чагындукъ, съ прит. суфф. 3-го л.)—„въ это время“; 2) крайній предѣлъ между двумя количествами вещества—достаткомъ и недостаткомъ: *пустау кейнегя чак-кына булды*—„сукна чуть-чуть достало на одежду, только какъ разъ впору пришлось“; *чак*—„посредственный по качеству (близкій къ плохому)“, *чак-чак*—„кушанье Татаръ, состоящее изъ маленькихъ кусочковъ бѣлаго тѣста, сваренныхъ въ маслѣ и облитыхъ медомъ“, и съ другой стороны — именными приставками *чак* (*чѣк*), *чык* (*чек*), означающими уменьшительность, и глаг. суффиксами *чак* (*чек*) тат., напримѣръ, *кылячек уакыть* или *заман* (буд. вр.) = тур. *джакъ* (*джекъ*), *джа* (*дже*).

Несомнѣнно однако, что, хотя ближайшее изученіе извѣстнаго нарѣчія въ отдѣльности можетъ навести на многія предположенія

¹⁾ Въ существующихъ теперь словаряхъ турецкихъ нарѣчій было бы неправильно отсылать частички *ла* и *мѣ*.

²⁾ Ср. русскія слова: *чуръ, зачураться*.

относительно исторіи этого нарѣчія, значенія его корней, происхожденія и значенія его суффиксовъ и флексій, но справедливость этихъ предположеній должна быть провѣряема сравнительнымъ изученіемъ этого нарѣчія съ другими родственными ему нарѣчіями ¹⁾). Внимательный просмотръ, напримѣръ, флексій алт. языка далъ бы Шотту ²⁾ возможность избѣгнуть ошибки—счесть ин въ Gelinge за притяж. прист. 3-го л. Изъ рассмотрѣнія глаг. флексій алт. языка становится очень ясно, что окончанія ан, ен, ми, ни, встрѣчающіяся и въ другихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ, суть въ сущности причастное окончаніе, имѣющее въ полномъ видѣ, напримѣръ, въ тат. и башк. нарѣчіяхъ форму ган (гѣн), въ кирг. ган (ген). Гелендже тур.=киленче, алт. кильгенче кирг., кильгѣнчѣ (также—кильгенче) тат. Въ алт. языкѣ въ окончаніи того причастія, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, : выбрасывается; если корень глагола оканчивается на гласную, то это причастіе оканчивается на аан (еен). Слова, употребительныя въ тат. языкѣ съ оконч. ан (ен), по первоначальному происхожденію суть причастія по алт. фонетикѣ, напримѣръ, жылан=„змѣя“ (собственно ползущее), килен=„сноха“ (собств. пришедшая, то-есть, въ семью).

Изученіе извѣстнаго нарѣчія въ сравненіи съ другими можетъ подкрѣпить и объяснить единичныя и потому сомнительныя явленія, встрѣчающіяся въ этомъ нарѣчіи. Напримѣръ, случай перехода б въ у и й, можетъ считаться исключительнымъ въ тат. нарѣчіи, такъ какъ встрѣчается въ одной только извѣстной формѣ и притомъ только немногихъ глаголовъ, корень которыхъ оканчивается на этотъ звукъ; но онъ становится яснѣе, когда мы изучаемъ тат. языкъ въ связи съ алтайскимъ, гдѣ замѣна й другихъ тюркскихъ языковъ посредствомъ б довольно обычна. То же должно сказать и о замѣнѣ ж и т другъ другомъ, которая также, какъ и предыдущая, довольно рѣдка въ тат. нарѣчіи (келянче, телянче, келямякъ, телямякъ, калнакъ, талпаякъ), если мы встрѣчаемъ въ алт. языкѣ итмяк вм. тат. нмяк ³⁾), и др.

¹⁾ Мы приводимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ сравненія тат. языка съ алтайскимъ, какъ таинимъ языкомъ, который довольно далеко (сравнительно, напримѣръ, съ башк. и кирг. языками) отстоитъ отъ тат. языка, какъ въ лексическомъ, такъ и въ фонетическомъ отношеніяхъ (вслѣдствіе чего различіе представляется рельефнѣе), но не на столько однакожъ далеко, чтобы связь между ними въ этихъ отношеніяхъ была уже темна.

²⁾ Altajische Studien. 1-te H., S. 601.

³⁾ Слова тат. языка: чак и чат, чик и чит, очень близки другъ къ другу по значенію, принадлежать, можетъ быть, къ одному корню.

Изученіе татарскаго нарѣчія въ сравненіи съ другимъ, имѣющимъ въ какомъ-либо отношеніи болѣе древній характеръ, напримѣръ, съ алтайскимъ языкомъ, особенно полезно, за невозможностью сравнивать съ древне-тюркскимъ языкомъ, такъ какъ такового въ первоначальной его чистотѣ не сохранилось. Напримѣръ, въ алтайскомъ языкѣ, какъ и въ киргизскомъ, лучше, чѣмъ въ татарскомъ, сохранился первоначальный основной смыслъ словъ, особенно отношеніе къ кочевому быту, общему въ недавнее, сравнительно съ Аріійскими племенами время, у всѣхъ Тюркскихъ племенъ. Напримѣръ, въ тат. языкѣ употребляется слово: айда! айдагыз! (также: айда! айдагез!) въ значеніи: „пойдемъ! пойдемъ-те!“, тогда какъ въ алт. языкѣ, какъ и въ кирг., слово это имѣетъ другой смыслъ: ай—крикъ погонщика скота, и отсюда глаголь айда—,гагайкать, гнать крикомъ скотъ“. Въ тат. языкѣ слово кям (иногда ким; произв. гл.: кяме кямет, кямсет, или же—киме, кимет, кимсет) употребляется въ значеніи количественнаго недостатка, тогда какъ въ алт. языкѣ это слово указываетъ на качественный недостатокъ, порокъ. Часто въ тат. языкѣ бываетъ такъ, что коренное слово не употребляется, а лишь только одни производныя отъ него, напримѣръ, тат. чогонна— „уросить“ (о лошади), а въ алт. языкѣ есть корень этого глагола чу-гул—,гнѣвъ“, отсюда чугулда—,гнѣваться“. Случается, что въ тат. языкѣ употребляется не коренной глаголь, сохранившійся, положимъ, въ алт. языкѣ, напримѣръ, алт. туша—,путать“ (ноги лошади), но производный отъ существительнаго, происшедшаго отъ кореннаго глагола: тат. тшаула происходитъ отъ отглагольнаго имени тшау (вм. тшак)—,путаніе, путы“. Въ тат. языкѣ нерѣдко встрѣтитъ двѣ параллельныя группы словъ, происходящія отъ одного и того же корня: одна изъ этихъ группъ произносится по правиламъ тат. фонетики и ближе подходит въ фонетическомъ отношеніи къ древне-тюркскому языку, а другая произносится по правиламъ алтайской или же киргизской фонетики. Очевидно, эта вторая группа заимствована въ позднѣйшее сравнительно время у Алтайцевъ, Киргизъ и др.; основной смыслъ послѣдняго рода словъ остается для Татаръ уже неизвѣстнымъ. Напримѣръ, въ тат. языкѣ употребляется глаголь ас—,вѣсить“, съ производными отъ него словами, по тат. фонетикѣ; но употребляется также и слово азык—,пища“, происходящее отъ того же корня, но уже по алтайскому произношенію, первоначальное значеніе котораго — висѣющее, повѣшенное (или въ котлѣ, для варки, или въ кладовой для просушки и храненія, напримѣръ, мясо,

рыба) для Татаръ уже неизвѣстно, потому что для нихъ уже неизвѣстно происхождение этого слова отъ корня ас. Другіе примѣры: жымъ алт.; жон тат. = „шерсть“, жомышак тат. вообще = „мягкій“, алт. жымышак. Жобо алт. = „хворать, чувствовать изнеможеніе“, жобот = „измучить“; въ тат. употребляется отъ перваго глагола только производный съ суффиксомъ, означающимъ ослабленіе дѣйствія жабк = „отощать отъ устатка“, также жабк = „тощій“; второй алт. гл. въ тат. языкѣ является въ видѣ жобат = „утишать“ (дѣтя); алт. жобош = „кроткій, смиренный (собств. укрощенный, убитанный, утомленный)“, въ каз. тат. нарѣчіи произносится уже какъ жуаш. Сукмакъ алт. = „бить, колотить“ вообще и въ частности „бить, рѣзать скоть“, тат. сукмакъ = „бить“; для понятія „рѣзать скоть“ слово это измѣнилось въ суймакъ; но слово сугымныкъ = „скотина, назначенная на убой“, осталось въ тат. языкѣ по алт. произношенію. На происхождение тат. слова жбре отъ жул въ настоящее время въ тат. языкѣ указываетъ только выраженіе жул жбре, но въ алтайскомъ языкѣ происхождение это становится яснымъ, во первыхъ—изъ того, что приставка и (е), для производства отыменныхъ глаголовъ очень обычна въ немъ, во вторыхъ—изъ того, что въ алт. языкѣ глаголь этотъ имѣетъ дебелий, какъ и существительное, характеръ (жор), и третьихъ—изъ тожества коренной гласной какъ глагола, такъ и существительнаго въ алт. языкѣ (жол, жор), тогда какъ въ тат. языкѣ гласныя эти различны (жул, жбре или жбр). Происхождение тат. слова журга = „иноходъ“ точно также, какъ и происхождение глагола жбре, не ясно, но въ алт. языкѣ происхождение этого слова (жорго) отъ жол и жор ясно. Корень эй, какъ въ алт., такъ и въ тат. языкѣ, употребляется и дебело, и тонко, алт. эн-дер и ан-дар = „опрокидывать“; въ каз. нар. этотъ глаголь употребляется только дебело, кромѣ того здѣсь и измѣняются на у—аудар ¹⁾; другія производныя слова какъ въ алт., такъ и въ тат., употребляются тонко: алт. ийір, каз. энер = „вечеръ“, то-есть, поворотъ солнца на закатъ ²⁾.

¹⁾ Индер въ крещ—тат. яз. употребляется о непосыланіи Богомъ съ неба (напримѣръ, ангела). Слово утатмук не употребляется, потому что считается двусмысленнымъ. Башкиры употребляютъ ии, ии-дѣрь вѣсто тат. керъ, кергезъ ызмакъ ииде.

²⁾ Отсюда становится яснымъ значеніе частицы ии (алт. эн), прилагаемой къ именамъ прил. кач. для усиленія качества: ии машиш = „крайне хорошій“. Ии-эч = „подоплечна“ (то-есть, крайняя внутренняя сторона рубашки). Частица ии (эн) собственно служить корнемъ для указанныхъ глаголовъ.